

Ч И Т А Й Т Е Р О М А Н Ы
К О Р О Л Е В Ы П С И Х О Л О Г И Ч Е С К О Й И Н Т Р И Г И

А Н Н Ы Д А Н И Л О В О Й

- Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы ник
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката,
или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зеркала
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная певичность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
- Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую
жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной
почи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро
Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Кoko Багча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Червяк на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамины любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все

Аромат желания
За спиной – двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневом саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостя

Прекрасный возраст, чтобы
умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая
ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь – прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты

АННА ДАНИЛОВА

Ты станешь другим,
когда с чердака твоего дома исчезнет зло

ТРИНАДЦАТАЯ
ГОСТЬЯ

Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *С. Прохоровой*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Тринадцатая гостья : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-699-96304-1

Всё ли мы знаем о собственном прошлом и о фантомах, которыми заселили свое подсознание? Иногда темная сторона нашей души напоминает чердак, куда снесли старые вещи, и как странно бывает узнать, что детские страхи и юношеские влюбленности продолжают управлять нами, даже когда мы чувствуем себя совсем взрослыми. Так же странно, как обнаружить на чердаке кукол, как две капли воды похожих на обитателей дома. Что делать Наташе с этими куклами, копирующими ее и ее новых соседей? И как защитить своего фарфорового двойника от настоящей, совсем не игрушечной опасности, которая нависла над всеми в этом странном доме?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96304-1

© Дубчак А.В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

1.

Мюнхен, октябрь 2008 г.

Мюнхенская полиция в среду поймала женщину, попытавшуюся ограбить шесть банков в течение менее трех часов. Как сообщает Associated Press, грабительницу выследили и арестовали в парикмахерской. В операции принимали участие сотни полицейских.

Тридцатитрехлетней преступнице, имени которой полиция не раскрывает, удалось украсть четыре тысячи девятьсот семьдесят пять долларов из четырех банков, расположенных в центре южногерманского города. Однако в двух отделениях банков ей не посчастливилось, несмотря на то что женщина была вооружена пистолетом.

По сведениям полиции, на ней был черный плащ, но она была без маски. Сначала ей удалось скрыться от полиции, затерявшись в толпе, и только через несколько часов полицейским удалось ее выследить вновь.

По словам одного из полицейских, ему еще никогда не приходилось сталкиваться со столь дерзкой грабительницей...

Экземпляров этой газеты было шесть. И все они были надежно спрятаны, в разных местах, но все равно — под рукой. Эти десять строк, которые она перечитывала время от времени, придавали ей сил, кружили голову. Где бы она ни находилась, о чем бы ни думала, мысли ее все равно возвращались к этому...

Она слышала в свое время множество комментариев по поводу этой газетной заметки, и все они, несмотря на внешнюю добропорядочность высказывавшихся, были преисполнены восхищения этой женщиной в черном плаще — дерзкой, решительной, отчаянной. Никому как-то и в голову не приходило посочувствовать всем тем, кто находился в момент ограбления в банке, и тем более владельцам ограбленных банков. «...И только через несколько часов полицейским удалось ее выследить вновь...» Как бы не так! В газетах всегда так пишут, чтобы представить полицию в выгодном свете и чтобы людям жилось спокойно, чтобы они по-прежнему с уважением относились к банкам...

Но ей-то нет никакого дела ни до банков, ни до полиции. Возможно, ей есть дело до этого черного плаща, который она носит практиче-

ски три сезона подряд и который, как панцирь, охраняет ее от всех напастей и придает ей, как и эта газетная вырезка, сил. Длинный черный плащ, который она стягивает на талии широким поясом, настоящий непромокаемый макинтош классического покроя, большой, уютный и надежный...

За окном шел дождь, он поливал огромный запущенный сад, собираясь в кронах разросшихся старых яблонь и вишневых деревьев, в лепестках буйно цветущих бордовых, желтых, лиловых и белых хризантем. Мраморный ангел за окном (старинная фигурка — деталь незамысловатого фонтана), опустившись на одно колено, продолжал задумчиво смотреть на чашу, полную воды, и на плававшие в ней оранжевые рябиновые листья, и ему все было нипочем. Даже зимой, в морозы и метели, он, занесенный снегом, заледеневший, оставался неподвижен, спокоен и умиротворен, словно все, происходившее вокруг, его не касалось. Это было свойство мрамора, свойство ангела, свойство особой философии, которая была так близка и ей.

Под шум дождя, ежась, словно холодная вода затекала ей за ворот, молодая женщина набросила на плечи черный плащ, подошла к высоко-

му, в резной деревянной раме, зеркалу и долго смотрела на свое отражение, погружаясь в него все глубже и глубже, увязая в своих мыслях, мечтах и обидах. Обиды. Их было слишком много, чтобы бездействовать, чтобы все забыть и простить.

2.

Москва, август 2008 г.

Из криминальной сводки.

«Вчера, двенадцатого августа, в собственной квартире по улице Щепкина, был найден убитым известный в университетских кругах ученый-физик Иоахим Фогель. Смерть сорокалетнего мужчины наступила вследствие трех проникающих ножевых ранений. Преступник — предположительно бомж. Свидетели-соседи утверждают, что видели — в период, когда было совершено преступление, — невысокого, плохо одетого и очень грязного мужчину, спускавшегося на лифте с двумя большими мешками. Преступником были украдены ценные вещи убитого, деньги и продукты на общую сумму около пятидесяти тысяч рублей. Ведется следствие».

3.

Село Страхилица (Болгария) октябрь 2008 г.

Красоты хотелось так сильно, так — прямо до скрежета зубного. Быть может, поэтому я с таким нетерпением ожидала возвращения из Испании Нежмие. Нежмие отправилась три месяца тому назад на «ягоду» (страшная жара, бескрайние плантации земляники, палящее солнце и работающие, безмолвные в своем упорном, хорошо оплачиваемом труде, женщины, собирающие «ягоду» — болгарки, румынки, марокканки, «полякини»), изредка посылала мне, единственной «русскине» в Страхилице, сигнал со своего мобильного, что означало: я здесь, Ната, не забывай меня! И я не забывала, на последние деньги звонила ей, спрашивала, как дела, рассказывала ей о ее детях, оставшихся с ее мужем и свекровью: что они живы-здоровы, что Бейсим, сынишка шести лет, растолстел из-за непомерного поедания брынзы и вафель, а Ниляй, ее дочка — тоненькая тринадцатилетняя копия своей черноволосой матери, — научилась красить губы и ресницы.

Красота — в моем понимании, истосковавшейся по цивилизации женщины и по всему тому, что прежде составляло мою прошлую

жизнь, — заключалась на тот момент в большой испанской расписной тарелке в полстены, которую я заказала подруге. «На худой конец, — говорила я, провожая Нежмие на автобусной станции и с трудом сдерживая слезы, — привези мне кружевной веер, парочку кастаньет, мантилью, куклу в платье «с горохами», туфли для фламенко; не откажусь я и от майки с изображением черного быка или ветряной мельницы, не говоря уже об изящном кинжале из толедской стали...»

Турчанка Нежмие, слабо понимавшая, что говорит ей на малопонятном языке русскиня Ната, кивала головой, глотая слезы, и оглядывалась по сторонам в ожидании софийского автобуса. Это было начало апреля, солнце припекало, но воздух был еще прохладен, свеж. Мы обе понимали, что в Испании ее ждет теплая солнечная весна и тонны земляники. А еще — тяжелая работа, работа...

Ее не было целых три месяца, жизнь шла своим чередом, я продолжала жить в крохотной деревне на северо-востоке Болгарии, здороваясь по утрам со своими курами и козами, а вечером пытаюсь за просмотром русских сериалов забыть о своих страхах и кошмарах. (А вся Европа в это время лакомилась огромными, с детский кулак, клубничинами, собранными такими же

сильными и ответственными женщинами, как Нежмие.) В июле Нежмие вернулась. С подарком для меня — с белой фарфоровой салатницей ценою в один евро. Загоревшая, какая-то обновленная, со сверкавшими глазами, и сказала с извиняющейся улыбкой, что с тарелкой в полстены для меня не получилось. «Знаешь, Ната, я могла бы поехать на следующей неделе снова туда же. Но там — змеи, много змей! Одну женщину укусила змея, кажется, она из Румынии, так вот: у родственников не нашлось двух тысяч евро, чтобы доставить тело домой, ее похоронили, я думаю, в общей могиле, там, в Испании». Она говорила на смеси турецкого и болгарского языков, но очень надеялась, что это сносный русский. Главное, что мы понимали друг друга.

Ближе к осени снова с той же самой автобусной станции я опять отправляла ее, великую труженицу, в Испанию — уже на «грозди» (виноград). Возвращалась она в конце октября, и вот теперь, уже по дороге в Страхилицу, позвонила мне и закричала в трубку: «Ната, я везу тебе голяму чинию (большую тарелку) и покрывку за маса-то».

Я ждала ее темным от синих ледяных туч и тоскливого дождя вечером, сидя в маленькой кухне у окна, всматриваясь в сине-зеленый, раз-

мытый водой пейзаж и утопая в глухом, непробиваемом одиночестве. Я знала, что Нежмие, спустившись на желточном мини-такси в низину нашей деревни, первым делом поедет домой, быть может, по дороге бросит немного грустный взгляд в сторону моего маленького «музейного» дома, а потом ее поглотят семья, улыбки и восторг детей, подарки, разочарования, усталость...

Так все и случилось. Я прождала ее весь вечер, разленилась, устала смотреть в окно. Когда мимо него промелькнуло желтое пятно такси, сердце мое сначала учащенно забилося, но потом вновь вернулось к своему прежнему усталому ритму. Выходить из дома в дождь мне не хотелось. Но я заставила себя это сделать. Накинула толстый резиновый плащ, оставшийся в этом доме от прежнего хозяина — пастуха, вышла, закрыла курятник, подоила коз, вернулась, вскипятила молоко и вновь села у окна. Желтый электрический свет делал это убогое жилье, куда меня загнала судьба, более или менее сносным. В печке потрескивали дрова. Это был приятный, теплый звук. От печки исходил жар. Такого жара не бывает в городских квартирах в России.

И вдруг — стук в дверь. Я уже и не надеялась увидеть кого-то в тот день. Мысленно я уже готовилась ко сну.

— Нежмие! — Я вскочила и бросилась открывать дверь.

Однако это была вовсе и не Нежмие, а Айше — почтальонша из соседнего села Черна (в Страхилице почты никогда не было), доставлявшая нам раз в неделю почту. Ее привозил в Страхилицу муж, кмет¹ Черна, на стареньком «Фольксвагене», в любую погоду, исключая условия обложного снегопада. Поскольку Страхилица — деревня (тридцать домов и разрушенная до основания мечеть), в которой живут одни турки (так уж сложилось исторически), поэтому в стопке болгарских газет и журналов непременно было несколько журналов или брошюр на турецком языке, некоторые из них — обязательно религиозного содержания, плюс письма, повестки в суд (к сожалению, они доставлялись нашим жителям с большим опозданием, а потому почти всегда суды в областном городе Шумен, расположенном в двадцати семи километрах от села, проходили в отсутствие жителей Страхилицы — непосредственных истцов или ответчиков), пачки объемных желтых конвертов «Риджерс Дайджест».

— Привет, Айше, — протянула я несколько разочарованно (ведь я ждала Нежмие!), хотя

¹ К м е т — человек, исполняющий обязанности, схожие с обязанностями мэра в деревне.

искренне была рада увидеть эту приятную розовощекую голубоглазую женщину.

Она разговаривала со мной на ломаном русском, но это у нее получалось так мило, что всегда вызывало у меня улыбку. Ей тоже нравилось говорить со мной на русском, и она каждый раз, когда представлялась такая возможность, принималась петь «Калинку» или «Там вдали, за рекой...».

— Заходи, Айше.

— Няма время.

Она сунула мне пакет с почтой, улыбнулась, стряхнула с капюшона черной теплой курточки дождевые капли и хотела было выйти, как вдруг лицо ее просияло:

— Ната, там письмо для тебя!

Как это — письмо? Этого не может быть! Это совершенно исключено! Разве что письмо с надписью: «Единственной «русскине» с. Страхилицы». Без имени адресата, конечно. В это еще можно поверить. Но таких писем не может быть в принципе. К тому же нет никого на всем белом свете, кто бы знал мой настоящий адрес. Я все для этого сделала, я постаралась! Чтобы избежать чувства стыда и проклятия.

Я посмотрела на Айше весьма растерянно. Она что-то напутала, эта голубоглазая красивая Айше.

Однако в пачке банковских писем... Ох уж эти банковские письма! Время от времени на деревню обрушивается шквал красивых фирменных конвертов — это банковские уведомления гражданам — клиентам банка о том, сколько у них денег на счету. Словно они, нищие болгарские турки, не знают, сколько левов на их счетах! Однако каждый из них (удивительное дело!) получает эти конверты с важным видом, словно такие люди, как они, на самом деле могут быть интересны банку своими мизерными счетами...

...Однако в пачке банковских писем затесался красивый длинный голубой конверт с красивейшими марками. В окне конверта, за прозрачной пленкой, я прочитала нечто невозможное:

«NataliyaVyugina
Strahilitsa
Shumen
Bulgariya».

Наталия Вьюгина — это я. Второй такой нет, я думаю, во всей Болгарии. И название деревни невозможно спутать ни с какой другой. Определенно, это письмо адресовано мне!

— Из Алмания, — подсказывает мне, заглядывая через плечо, Айше.

Алмания — это, по-ихнему, Германия. Час от часу не легче! Я поняла бы еще, если бы это